

МИГРАНТЫ И ЭТНИЧНОСТЬ ВО ВЛАСТНОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ

УДК 316.334.56 (510)
DOI 10.17223/19988613/37/11

Я.С. Гузей

ОТ НЕПРИМЕТНЫХ ИНОСТРАНЦЕВ ДО ВРАЖЕСКИХ ПОДДАННЫХ: ЯПОНСКИЕ МИГРАНТЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.¹

Проводится анализ представлений российского общества о японцах, проживавших в конце XIX – начале XX в. в пределах Российской империи. На основании архивных источников и дореволюционной прессы в работе показывается трансформация общественно-политического дискурса о японских мигрантах в России. На фактическом материале демонстрируется, как военные действия России с Японией 1904–1905 гг. меняют отношение к японцам в империи, придавая особую значимость этническому фактору, прежде не игравшему сколько-нибудь заметной роли в отношениях российского общества к выходцам из Японии.

Ключевые слова: японские мигранты; общественно-политический дискурс; этничность; Российская империя; Русско-японская война.

Исследование вопросов «этничности», ее роли и функций в городском, политическом и общественно-публицистическом пространстве постсоветских обществ – задача важная и вместе с тем чрезвычайно трудная [1, 2]. Крайне интересны случаи неожиданной актуализации этничности, когда принадлежность к какой-либо этнической группе, ранее не игравшая особой роли, начинает восприниматься в качестве важной, ключевой, способной выступать определяющим фактором в отношениях между различными народами. Каковы причины и механизмы этого явления? Какие факторы влияют на актуализацию этничности? И как новыми смыслами и коннотациями наполняются давно знакомые, вполне привычные явления и символы, ранее не воспринимавшиеся сквозь призму этнического?

Особенно интересным представляется в этой связи изучение отношения российского общества к японцам, проживавшим на территории империи на рубеже XIX–XX в., – в период, ознаменовавшийся обострением дипломатических отношений с Японией и Русско-японской войной. Вплоть до начала военных действий японские мигранты были величиной, едва заметной в общественно-политическом пространстве огромной многонациональной империи. Именно «неприметность» японцев до 1904 г. оттеняла яркими красками всплеск пристального и недоброжелательного отношения к ним с началом русско-японского конфликта. Разобраться в причинах этого и является задачей настоящей статьи. Речь не идет о реконструкции истории японской диаспоры в России или рассмотрении образа «японца» в общественном мнении страны (этим темам посвящено немало добротных исследований [3–8]), куда интереснее представляется вопрос о том, когда этничность становится знаковой характеристикой

японцев в символическом поле Российской империи? Важно понять, как воспринимали японских мигрантов в России до войны и что изменилось с ее началом. Поэтому представляется интересным рассмотреть символические аспекты восприятия японских мигрантов в России и проанализировать процесс актуализации этнического фактора под влиянием Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Первые японцы появились в России еще в конце XVII столетия. Разбившееся в 1695 г. у берегов Камчатки японское судно забросило на российский берег купца из Осаки – Дэмбэя. «Диковинный» иностранец, побывавший в плену у камчатских аборигенов, был доставлен в Петербург. В 1702 г. он был представлен самому Петру I, который определил чужестранца на работу в Артиллерийский приказ в качестве переводчика и преподавателя японского языка. Дэмбэй стал первым японцем, чье пребывание в России было официально зафиксировано. И хотя впоследствии в силу различного рода случайностей на российской земле довелось побывать и другим выходцам из страны «Восходящего солнца», вплоть до середины XIX в. такие случаи были практически единичными [9].

Относительно массово японцы появились в России лишь во второй половине XIX в., когда с присоединением Приамурья и Приморья началось активное освоение российской дальневосточной окраины. Миграции японцев в Россию способствовали не только ее близость и сравнительная дешевизна проезда, но и заманчивые перспективы, которые активно развивающийся регион сулил тем, кто был заинтересован в открытии собственного дела. И хотя большая часть японцев ехала в Россию в поисках работы, способной обеспечить их средствами к существованию, среди японских ми-

грантов было немало и тех, кто, обладая специальными навыками и капиталом, надеялся организовать здесь свой собственный бизнес [10. С. 21].

Особенно притягательным для японцев был г. Владивосток. Стремительно развивающийся имперский центр на восточной окраине России, он имел прямое пароходное сообщение с Кобэ, Цуругой и Нагасаки. В 1875 г. здесь было открыто торговое представительство Японии с учреждением в 1876 г. должности коммерческого агента, который фактически взял на себя функции официального представителя японцев в России, осуществляя диалог между мигрантами и местной администрацией.

В результате с 1870-х гг. на российском Дальнем Востоке начинает постепенно формироваться японская община, концентрировавшаяся большей частью в городах с преобладающим значением Владивостока. Однако вплоть до 1990-х гг. проживавших в империи постоянно японцев было исключительно мало. Так, по данным исследователей, в 1884 г. в России проживали только 412 японцев, и все они пребывали во Владивостоке [Там же. С. 32]. Общее число японцев в России существенно возросло только с началом строительства Транссибирской железной магистрали. Сооружение Великого Сибирского пути, начатое в 1891 г., потребовало огромной массы рабочих рук, необходимость в которых невозможно было всецело удовлетворить как за счет ресурсов дальневосточной окраины, так и за счет волны переселенцев. В этих условиях строители магистрали стали активно использовать практику найма рабочих, преимущественно из соседних азиатских государств, в том числе из Японии. В результате японская колония уже к 1902 г. увеличилась до 4 716 человек, из которых 2 996 проживали во Владивостоке, 544 – в Никольске-Уссурийском, 201 – в Хабаровске, 254 – в Николаевске-на-Амуре, 95 – в Чите и только 29 – в европейской части России [6. С. 45].

Японские мигранты нанимались в качестве прачек, нянек, домашней прислуги, работали врачами, парикмахерами, ювелирных и часовых дел мастерами, открывали фотосалоны, бани, публичные дома. О том, насколько разнообразной была сфера труда японцев в городах Дальнего Востока, говорит тот факт, что открывшееся в 1902 г. во Владивостоке японское общество распределило своих соотечественников по 14 различным отделам, выделявшимся на основании той или иной профессиональной деятельности [4. С. 8].

Японцы довольно быстро стали неотъемлемой частью жизни российской окраины. С ними встречались на улицах, их видели в различных магазинах, мастерских, фотосалонах, прачечных и публичных домах. Необычные, особенные персонажи с красочных этикеток, какими зачастую представлялись японцы жителям европейской части России, на Дальнем Востоке обрели вполне реальное воплощение в людях, с которыми приходилось сталкиваться в каждодневной жизни. К японцам шли, чтоб отремонтировать часы, сделать фо-

то на память, сшить новый костюм, и это было совершенно обычным явлением в жизни российской окраины. В этнически разнородной, многонациональной среде, какую представлял собой имперский Дальний Восток, японцев привыкли просто не замечать. Для дальневосточных жителей они были частью повседневности.

Присутствие японцев в России вносило свои коррективы не только в жизнь дальневосточных обывателей, но и в городской «ландшафт». На улицах дальневосточных городов появлялись вывески и объявления на японском языке, магазины и лавочки с японскими товарами, японские торговые фирмы, публичные дома и представительства. Японские кварталы, прочно ассоциировавшиеся с выходцами из Японии, к началу XX в. сложились в самом центре Владивостока, Хабаровска и Никольск-Уссурийска.

Особенно явственно присутствие японцев ощущалось во Владивостоке. И хотя камчатский епископ Евсей был убежден, что Владивосток – прежде всего «китайский город, где китайская жизнь проявляется себя на каждом шагу» [11. С. 37], «японского» в городе было также немало. Японский квартал сосредоточивал жизнь японской общины в самом удобном с точки зрения коммерции пространстве города. На центральных улицах города – Алеутской, Пологой, Фонтанной, Косом переулке – действовало большинство японских магазинов, прачечных, ателье и фотосалонов. Тут же находился и офис коммерческого агента Японии в России. Экономическая активность японских предпринимателей способствовала формированию все новых японских «анклавов» в пространстве города. К концу 1890-х гг. во Владивостоке действовали уже 11 крупных японских торговых домов [6. С. 44]. В ведении японцев в конце 1890-х гг. находились 6 из 7 публичных домов города [Там же. С. 43]. К концу XIX в. здесь появились даже японский храм и школа, учрежденные за счет личных средств мигрантов. При этом японский колорит города мог показаться необычным только приезжим. Для местных все это оставалось лишь частью привычного городского пейзажа, не вызывающего каких-либо особых реакций.

Деятельность японцев в России отражалась в печати, особенно местной, но особым ее вниманием не пользовалась. Типичной была ситуация, когда одна из хабаровских газет в обширной статье об иностранцах в Приамурском крае, особенно о китайцах и корейцах, японцев только упомянула [12]. Проблему китайских и корейских мигрантов обсуждали много и эмоционально, видя в них угрозу российскому пребыванию на Дальнем Востоке [13]. И хотя японцы, наряду с китайцами и корейцами, в российском общественно-политическом дискурсе зачастую сливались в единую, нерасчлененную массу «желтых», растворявшую в себе отдельные национальности [14], «желтый вопрос» в России все же был в большей степени связан с мигрантами из Китая и Кореи. Это видно хотя бы и потому,

что аргументы, служившие обоснованием представлений о «желтой опасности», понимаемой в качестве угрозы колонизации российской окраины азиатами (общие масштабы миграции, численность переселенцев из стран Азии, колонизация земель, переход в российское подданство и т.д.), практически никогда не связывались с японскими мигрантами.

Немногочисленные японцы не составляли конкуренции на рынке труда для русских рабочих. И если о них писали, то зачастую только в положительном ключе. Сам генерал-губернатор С.М. Духовский отмечал в 1891 г., что «привлечение в край японских рабочих и ремесленников представляется весьма желательным как ввиду их почтенных личных качеств – ловкости, аккуратности, дисциплинированности и честности, так и потому, что они могли бы составить сильную конкуренцию китайцам и понизить цены на рабочие руки» (цит. по: [6. С. 39]). Таким образом, малочисленные, положительные и полезные японцы особого интереса общества и властей не привлекали. И хотя информацию о них систематически собирали дальневосточная администрация, отдельные исследователи и русская православная церковь, в общественном мнении страны японцы вплоть до Русско-японской войны оставались явлением малозначительным.

Эта ситуация стала меняться в начале 1904 г. К этому времени очевидными для всех стали серьезные разногласия, существующие между Японией и Россией, фактически поставившие два государства на грань военных действий. В январе 1904 г., когда русско-японские переговоры зашли в тупик и в прессе стали появляться первые заметки о возможности возникновения военного конфликта, на японцев, проживавших в России, впервые посмотрели другими глазами.

Осложнение отношений между державами моментально сказалось на расположении российского общества к выходцам из «страны Восходящего Солнца». В одном из сатирических журналов в это время появилась даже шутка, что не пристало называть китайца «желтоглазым, коли на то теперь ипонец (так в тексте. – Я.Г.) есть!» [15. С. 2]. Все чаще становились случаи избиения японцев в городах и селениях Дальнего Востока. Так, во Владивостоке толпа матросов со стоящих на рейде «в ожидании войны» военных судов разгромила японский публичный дом, избив там всех японцев [16]. Японская колония Хабаровска уже 11 января была вынуждена обратиться с просьбой о покровительстве и защите к командующему войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанту Н.П. Линевичу, поскольку «ввиду крайне тревожного времени их положение в Хабаровске сделалось крайне тяжелым» [17. Л. 15].

С началом военных действий положение японцев в России только усугубилось. В условиях военного времени противник автоматически стал отождествляться со всеми представителями японской нации, даже с теми, кто не имел прямого отношения к войне. Война

сделала присутствие японцев в городах Дальнего Востока особенно заметным. В это время японцы настолько стали выделяться по внешнему «облику» и «костюму», что уберечь их от «прискорбных недоразумений» на улицах, по замечанию читинской газеты «Забайкалье», оказалось практически невозможно [18].

С началом войны заметными оказались не только сами японские мигранты, но и этнические «маркеры», привнесенные ими в пространство дальневосточных городов. В канцелярии Приамурского генерал-губернатора сохранилась записка, в которой житель Хабаровска обращался к генерал-губернатору с настоятельной просьбой «во избежание кровопролития» не только удалить из города всех японцев, но и уничтожить вывеску с фасада предприятия самого влиятельного из них – Такеучи, владельца одной из двух фотостудий в городе: «Ваше превосходительство, ради бога, прикажите убрать, удалить японца Такеучи и других из Хабаровска, хоть в Сретенск или куда. Верно говорю Вам, его убьют, как и многих других, хоть их охраняйте, как знаете. Прикажите и вывеску его уничтожить (подчеркнуто в источнике. – Я.Г.), чтобы тут и духа их не пахло. Нам собственно его не жаль, не все ли равно с десятков этих разбойников-обезьян меньше будет, но очень нежелательно то, что иностранные газеты сейчас заговорят о жестокости русских, что они убивают мирных японцев в своих городах. А убьют Такеучи и прочих бесприменно, рано или поздно убьют. Это решено и даже уже стоворились некоторые люди, а кто их будет защищать, и тех убьют» [19. Л. 24]. Очевидно, что вывеска воспринималась просителем в качестве особого знака-маркера, символизирующего присутствие японцев в Хабаровске.

Уже в марте 1904 г., буквально через месяц после начала военных действий, читатели газеты «Владивосток» обратились к редактору с призывом переименовать улицу «Японская» [20]. Примечательно, что свое название она получила не в честь Японии или японцев, а по имени одного из трех транспортных судов, доставивших первых поселенцев. Так и появились во Владивостоке первые улицы – Алеутская, Маньчжурская и Японская. Между тем в 1884 г. судна-ветераны были проданы «на дрова» [21. С. 207]. Видимо, это обстоятельство было порядком позабыто, и в 1904 г. название улицы «Японская» явно ассоциировалось у жителей города не с кораблем-основателем порта, а с государством-противником. Иметь же в центре главного военно-стратегического города на восточной окраине России улицу «Японская» в условиях войны с Японией показалось многим неудобным и даже непатриотичным.

Столкнувшись с враждебностью местных жителей, японцы с началом военных действий начали активно распродавать имущество и возвращаться на родину. В начале февраля 1904 г. японский коммерческий агент во Владивостоке объявил о сборе тех, кто бы желал вернуться на родину. Отсюда при содействии японско-

го правительства 6 и 13 февраля в Цуругу и Модзи были отправлены корабли «Эфридж» и «Батавия», на бортах которых оказалась большая часть японцев российского Дальнего Востока [6. С. 47]. Оставшимся официально было запрещено пребывать в областях Дальневосточного наместничества, включавшего в себя территории Приамурского генерал-губернаторства и Квантунского полуострова. С этих территорий японцы вскоре были высланы, однако поскольку отправка напрямую в Японию была невозможна из-за приостановки плавания мирных судов в Японском море, их направляли в европейскую часть страны, откуда затем переправляли в Японию.

Несмотря на отъезд основной массы японцев из Российской империи и выселения их из областей Дальневосточного наместничества, японцев не перестали «замечать» на улицах российских городов. Неприметность японской диаспоры в России, ставшая особенно очевидной с началом войны, заставила российскую общественность пересмотреть свои взгляды на предмет «действительных» целей пребывания японцев в империи. И эти цели тут же «обнаружили» в шпионаже в пользу Японии.

Так, с началом войны журнал «Чтение для солдат» безапелляционно заявил, что «почти все поголовно» японцы были шпионами, «следившими за передвижением русских войск и старавшимися возбудить население Маньчжурии против русских» [22. С. 19]. Такая точка зрения, получавшая все большее распространение, особым образом повлияла на бдительность населения, вылившуюся в 1904–1905 гг. в масштабную кампанию по поиску и поимке японских шпионов.

И хотя японский шпионаж действительно имел место в России [23, 24], масштабы шпиономании 1904–1905 гг. явно превзошли все возможные ожидания. В июне 1904 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» не без сарказма замечала, что «японские шпионы положительно в моде»: «Присутствие их заподозрили на одном иностранном судне в Одессе. Потом в Кронштадте. Приказчики какой-то чайной фирмы в Петербурге были провозглашены шпионами малой прессой. Кто-то видел японских офицеров генерального штаба, производящих съемки в окрестностях Тетюш, то ли около Пошехонья» [25]. Масштабы шпиономании были настолько значительны, что эта тема стала одним из самых излюбленных сюжетов российских сатирических журналов в 1904–1905 гг. В нескольких строчках писатели-сатирики зачастую передавали то, насколько абсурдными могли быть «разоблачения» японских шпионов в России: «Среди проезжих, остановившихся в Мукдене: – Представьте себе, стал я ухаживать здесь за одной маньчжуркой; но вдруг ее арестовали! / – За что? / – Оказалось, что это был переодетый японец!; На ручной китайской тележке, везомой китайцем, едут две дамы: – Тпру! Стой! – Произносит одна, хватая китайца за косу. / – Зачем же ты его за косу-то трогаешь? – Для безопасности... Что-то бойко везет; не переодетый

ли это японец? Как раз какую-нибудь каверзу устроит; У окна в маньчжурском городе: – Ох, какая громадная собака идет по улице... – Смотри, не переодетый ли это японец?» [26. С. 5].

Шпиономания стала одним из важнейших следствий актуализации этнического фактора в 1904 г., когда присутствие японцев сделалось особенно заметным в России. Не случайно, что в это время японец-шпион, проживающий в России, становится и героем художественных произведений, ведь тот факт, что в империи действительно живут японцы, отчетливо осознали лишь в годы войны с Японией.

Случай с японцами в России показывает, насколько значимой категорией под влиянием непростых политических событий может стать этническая составляющая, прежде не игравшая серьезной роли. Японцы, проживавшие в России, вплоть до начала военных действий фактически не были здесь сколько-нибудь значимыми «другими». И свою роль здесь играла не только их малочисленность, но и отсутствие серьезных проблем, порождаемых их присутствием в империи. Для жителей России они, безусловно, были «другими», но такими «другими», которые не воспринимались ни тотально «иными» (об этом, в частности, свидетельствует наличие межнациональных браков), ни угрожающими интересам империи. Незаметность японцев в России фактически оставляла их на позиции иноэтнической группы, отношение к которой было фактически индифферентным.

Национальность японских мигрантов со всей очевидностью обозначила лишь Русско-японская война, оказавшаяся для Российской империи конфликтом совершенно нового формата. По своему масштабу и степени косвенной вовлеченности в военные действия других держав война России с Японией стала конфликтом мировым, глобальным, непосредственно затрагивавшим интересы не только воюющих сторон, но и других государств. В отличие от крупнейших вооруженных противостояний XIX в. Русско-японская война была уже не просто конфликтом двух враждующих государств, решавших свои разногласия посредством армии, она представляла собой тотальную военную кампанию, целью которой было полное уничтожение и дискредитация противника. Военные действия на полях сражений активно «переносились» и внутрь самих государств, мобилизуя на борьбу с противником не только фронт, но и тыл [27, 28].

Тотальная война, какой оказалась Русско-японская, жестко противопоставила два народа друг другу, сделала этническую составляющую окрашенной в политические тона и потому неприемлемой. Именно этничность оказалась в 1904–1905 гг. наиболее значимой характеристикой японцев в символическом поле Российской империи. И свою роль в этом процессе играл не только институт военной пропаганды, но и собственные настроения российского населения, более отчетливо осознавшие в этот период времени свою этническую принадлеж-

ность. В результате негативные чувства по отношению к противнику, в большей степени имевшие отношение к «внешним» японцам, с легкостью были перенесены на японцев, проживавших внутри собственной страны, в один момент превратив незаметных японских мигрантов в нацию, враждебную интересам России.

Война, выдвинувшая на первый план этничность в качестве наиболее важной, «маркерной» идентичности, поставила, таким образом, совершенно новую проблему, никогда ранее фактически не стоявшую перед государством, ведущим военные действия, –

вопрос о том, что делать и как поступать с представителями враждебной государству нации, пребывающими внутри страны. И хотя официально категория «вражеские подданные» оформилась в Российской империи только в годы Первой мировой войны [29], теоретические основы для ее выделения были заложены еще в годы Русско-японской войны, во время инициированной российским правительством масштабной кампании по удалению японцев из областей Дальневосточного наместничества и борьбе с японским шпионажем.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Переработанный и расширенный вариант статьи будет опубликован в: Гузей Я.С. Этничность и война: японские мигранты в общественно-политическом дискурсе Российской империи накануне и во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // *Полития*. 2015. № 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Известия* Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». Иркутск. 2014. Т. 10. 253 с.
2. *Переселенческое общество в Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск, 2013. 624 с.
3. *Галлямова Л.И.* Японские предприниматели во Владивостоке (1900–1913) // *Россия и АТР*. 1992. № 2. С. 32–36.
4. *Зайцев Д.М.* Японская диаспора во Владивостоке и Русско-японская война 1904–1905 гг. Владивосток, 2006. 35 с.
5. *Белоус Б.С.* Хозяйственная деятельность японских иммигрантов на юге Дальнего Востока России и политика администрации Приамурского края второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 276 с.
6. *Тамура Айка.* Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в.: по источникам и литературе на японском языке : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 280 с.
7. *Воробьева Э.А.* Русско-японская война и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 263 с.
8. *Сенявская Е.С.* Япония как противник России в войнах XX века // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2002. Вып. 2. С. 357–386.
9. *Подалко П.* Первые встречи // *Родина*. 2005. № 10. С. 4–6.
10. *Лозняк Т.З.* Иностранцы-подданные в городах Дальнего Востока России (вторая пол. XIX – нач. XX вв.). Владивосток, 2004. 315 с.
11. *Описание поездки Преосвященнейшего Евсея, епископа Камчатского для обозрения церковью епархии, совершенной 8 июля – 22 августа 1898* // *Благовещенские епархиальные ведомости*. Благовещенск, 1899.
12. *Иностранцы в Приамурском крае* // *Приамурские областные ведомости* (Хабаровск). 1896. 29 сен.
13. *Дятлов В.И.* Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // *Вестник Евразии*. 2000. № 1 (8). С. 63–89.
14. *Дятлов В.И.* Синдром «желтой опасности» в дореволюционной России: экзотизация как механизм дегуманизации и исключения // *Переселенческое общество в Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв.* Иркутск, 2013. С. 526–555.
15. *На улице* // *Шут* (С-Петербург). 1904. № 13.
16. *Местная хроника* // *Дальний Восток* (Владивосток). 1904. 21 янв.
17. *Копия телеграммы командующего войсками Приамурского военного округа в Порт-Артур наместнику Алексееву от 11 января 1904 г.* // *Российский государственный исторический архив Дальнего Востока* (далее – РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 431.
18. *Чита*. 3 февраля // *Забайкалье* (Чита). 1904. 4 фев.
19. *[Записка без подписи]*. 1904 // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431.
20. *Обращение к редактору* // *Владивосток*. 1904. 7 марта.
21. *Хисамутдинов А.* Тетра Incognita, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, 1989. 351 с.
22. *Война России с Японией. Приложение* // *Чтение для солдат*. СПб., 1904. Кн. II, Вып. IV.
23. *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000. 356 с.
24. *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск, 2003. 191 с.
25. *Шпионы* // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1904. 27 июня.
26. *Урсул*. Переодетые японцы // *Осколки* (С.-Петербург). 1904. № 17.
27. *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero* / ed. by J.W. Steinberg, B.W. Menning, D. Schimmelpenninck van der Oye, D. Wolff, S. Yokoto. Boston, 2005. Vol. 1. 671 p.
28. *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero* / ed. by D. Wolff, S.G. Marks, B.W. Menning, D. Schimmelpenninck van der Oye, J.W. Steinberg, S. Yokoto. Boston, 2007. Vol. 2. 583 p.
29. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. 304 с.

Guzei Iana S. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: guzeiana@mail.ru

FROM INDISCERNIBLE FOREIGNERS TO ENEMY ALIENS: JAPANESE MIGRANTS IN THE SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES.

Keywords: Japanese migrants; social and political discourse; ethnicity; Russian Empire; Russo-Japanese War.

This article is devoted to the analysis of an image projected on the Russian society by the Japanese, who lived within the borders of the Russian Empire in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Based on the archival sources and pre-revolutionary press, the work shows the transformation of Russian socio-political discourse about the Japanese migrants. The first Japanese migrants appeared in Russia in the end of the 17th century; however, a relatively mass migration began in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries with the

start of an active development and settlement of the Russian Far East. Proximity to Japan, cheapness of the fare and the tempting perspectives to set up in business favored Japanese migration to the Russian Far East. In this way, by the end of the 19th century Japanese community formed in Russia, concentrated on the Far East with the center in Vladivostok. In the outskirts of Russia, the Japanese very quickly became an important and integral part of everyday life. Unlike the unusual and fascinating characters from colorful labels as the Japanese were seen by the residents of the European part of Russia, they became a daily routine for the residents of the Russian Far East. In the diverse multicultural environment of the Far East, Japanese migrants went unnoticed. The ethnic markers introduced by the Japanese into the space of Russian cities went unnoticed in the same manner. Often viewed in a positive way, Japanese migrants were not attributed a significant role in the socio-political discourse of the Russian Empire. The situation changed radically in 1904–1905. The Russo-Japanese war stressed the importance of the ethnic factor. As a result, the Japanese ethnicity, which earlier did not play a serious role in the relationship between Russian residents and Japanese migrants, all of a sudden became a significant and even a key factor. With the war outbreak, not only did the Japanese themselves, but also their markers, became of much notice to the Russian population which had not paid any attention to these objects before. Total war led to the feeling of opposition towards each other between the Russians and the Japanese, painting the ethnic component into political colors. Ethnicity was the most significant feature of the Japanese in the symbolic field of Russian Empire in 1904–1905. As a result, the negative feelings towards the enemy were easily transferred towards the Japanese people living within the Russian Empire momentarily turning indiscernible Japanese migrants into enemy aliens.

REFERENCES

1. Irkutsk State University. (2014) *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"* [The Bulletin of Irkutsk State University]. 10.
2. Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community. The 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk.
3. Gallyamova, L.I. (1992) *Yaponskie predprinimateli vo Vladivostoke (1900–1913)* [Japanese businessmen in Vladivostok (1900–1913)]. *Rossiya i ATR – Russia and The Pacific*. 2. pp. 32–36.
4. Zaytsev, D.M. (2006) *Yaponskaya diaspora vo Vladivostoke i rusko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg.* [The Japanese diaspora in Vladivostok and the Russian-Japanese war of 1904–1905]. Vladivostok: Reya.
5. Belous, B.S. (2007) *Khozyaystvennaya deyatel'nost' yaponskikh immigrantov na yuge Dal'nego Vostoka Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraja vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Economic activities of Japanese immigrants in the south of the Russian Far East and the administration policy of Amur Krai in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Vladivostok.
6. Tamura, I. (2007) *Yaponskaya immigratsiya na rossiyskiy Dal'niy Vostok vo vtoroy pol XIX – pervoy treti XX v.: po istochnikam i literature na yaponskom yazyke* [Japanese immigration to the Russian Far East in the late 19th – early 20th centuries: sources and literature in Japanese]. History Cand. Diss. Vladivostok.
7. Vorob'eva, E.A. (2009) *Rusko-yaponskaya vojna i obshchestvennoe mnenie Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The Russian-Japanese war and public opinion in Siberia and the Far East]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
8. Senyavskaya, E.S. (2002) *Yaponiya kak protivnik Rossii v voynakh XX veka* [Japan as a Russian enemy in the wars of the 20th century]. In: Golubev, A.V. (ed.) *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya* [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual relations]. Issue 2. Moscow: RAS. pp. 357–386.
9. Podalko, P. (2005) *Pervye vstrechi* [First meetings]. *Rodina*. 10. pp. 4–6.
10. Poznyak, T.Z. (2004) *Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya pol. XIX – nach. XX vv.)* [Foreigners in the cities of the Russian Far East (the late 19th – early 20th centuries)]. Vladivostok: Dal'nauka.
11. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. (1899) *Opisanie poezdki Preosvyashchennyshego Evseya, episkopa Kamchatskogo dlya obozreniya tserkvey eparkhii, sovershennoy 8 iyulya – 22 avgusta 1898* [Description of the trip of Eminence Eusebius, Bishop of Kamchatka, for viewing churches of the diocese, 8th July – 22nd August, 1898]. Blagoveshchensk.
12. *Priamurskie oblastnye vedomosti*. (1896) *Inostrantsy v Priamurskom krae* [Foreigners in the Amur region]. Khabarovsk. 29th September.
13. Dyatlov, V.I. (2000) *Migratsiya kitaytsev i diskussiya o "zheltoy opasnosti" v dorevolyutsionnoy Rossii* [Chinese migration and the discussion about the "yellow peril" in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Evrazii*. 1(8). pp. 63–89.
14. Dyatlov, V.I. (2013) *Sindrom "zheltoy opasnosti" v dorevolyutsionnoy Rossii: ekzotizatsiya kak mekhanizm degumanizatsii i isklyucheniya* [The syndrome of the "yellow peril" in pre-revolutionary Russia: exoticization the mechanism of dehumanization and exclusion]. In: *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vv.* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community. The 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 526–555.
15. Anon. (1904) *Na ulitse* [On the street]. *Shut*. 13.
16. *Dal'niy Vostok*. (1904) *Mestnaya khronika* [Local Chronicle]. 21st January.
17. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). (1904) *Kopiya telegrammy komanduyushchego voyskami Priamurskogo voennogo okruga v Port-Artur. namestniku, Alekseevu ot 11 yanvarya 1904 g.* [A copy of the telegram from the commander of the Amur Military District to Port Arthur governor Alexeyev on January 11, 1904]. Fund 702. List 1. File 431.
18. *Zabaykal'e*. (1904) Chita. 3 fevralya [Chita. February 3]. 4th February.
19. Anon. [Note unsigned]. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 1. File 431.
20. *Vladivostok*. (1904) *Obrashchenie k redaktoru* [An appeal to the editor]. 7th March.
21. Khisamutdinov, A. (1989) *Terra Incognita ili khronika russkikh puteshestviy po Primor'yu i Dal'nemu Vostoku* [Terra Incognita, or Chronicle of Russian travel Primorye and the Far East]. Vladivostok: Vladivostok state University.
22. Anon. (1904) *Voyna Rossii s Yaponiey* [Russia's war with Japan]. *Chtenie dlya soldat*. Book 2. Issue 4.
23. Grekov, N.V. (2000) *Russkaya kontrrazvedka v 1905–1917 gg. Shpionomaniya i real'nye problemy* [The Russian counterintelligence in 1905–1917. Spy mania and real problems]. Moscow: Moscow Public Research Foundation.
24. Sinichenko, V.V. (2003) *Pravonarusheniya inostrantsev na vostoke Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov* [The offenses committed by foreigners in the east of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: East-Siberian Institute of the Ministry of Interior.
25. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. (1904) *Shpiony* [Spies]. 27th June.
26. Anon. (1904) *Ursus. Pereodetye yaponsy* [Ursus. Disguised Japanese]. *Oskolki*. 17.
27. Steinberg, J.W., Menning, B.W., Schimmelpenninck van der Oye, D., Wolff, D. & Yokoto, S. (2005) *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero*. Vol. 1. Boston.
28. Steinberg, J.W., Menning, B.W., Schimmelpenninck van der Oye, D., Wolff, D. & Yokoto, S. (2005) *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero*. Vol. 2. Boston.
29. Laure, E. (2012) *Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv "vrazheskikh poddannykh" v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian nationalism and the Russian Empire: The campaign against "enemy aliens" during World War I]. Translated from English by V. Makarova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.